

ном наклонении присутствует только момент непосредственного настоящего и нет еще идеи временной последовательности, сложного понятия действия прошедшего и будущего. Все глаголы, по мнению Вико, могут быть сведены к родовым понятиям, например, *sum* от *esse* «быть» (к чему может быть сведено все бытие, а это все равно что все метафизические вещи), *sto* — от покоя, *eo* — от движения (к чему сводятся все физические вещи), *do, dico* и *facio* (к чему сводятся все вещи действия, будь то вещи нравственные, или семейные, или, наконец, гражданские) (175).

Такова теория происхождения звуковой речи. «Это возникновение, — заключает Вико свои рассуждения — даст нам порядок, в каком зарождаются части речи, и, следовательно, естественные причины синтаксиса» (175, 176). Традиционной синхронной классификации частей речи, основанной на логических категориях и на формальном морфологическом критерии, Вико противопоставляет свою динамическую модель порождения высказывания, проводя мысль о том, что теория частей речи должна выводиться из синтаксических отношений и семантики знака. Адресаты полемики тоже указаны:

«Это кажется нам разумнее того, что Юлий Цезарь Скалигер и Франсиско Санчес говорили по поводу латинского языка: как если бы народы, изобретшие для себя языки, сначала должны были ходить в школу Аристотеля, с принципами которого оба эти ученые рассуждали о языке» (176).

Традиционной логике, методы которой кажутся Вико недостаточными для охвата сложных процессов, связанных с человеческой деятельностью, он противопоставляет риторику. «Вико всегда утверждал, — читаем мы в его „Автобиографии“, — что красноречие — это не что иное, как говорящая мудрость, и что поэтому его кафедра должна направлять умы и делать их универсальными; и что если другие останавливали их внимание на частностях, то красноречие должно было воспитывать целостное знание, благодаря которому части становятся понятными в целом» (502).

Концепция риторики («говорящей мудрости») является главным конструктивным элементом всей философской системы Вико и одновременно служит организующим началом композиции его сочинения. «Поэтому о каждой отдельной теме его предмета, — пишет далее автор, — он рассуждал так, что она оказывалась одушевленной, как бы единым духом, всеми теми науками, которые имеют к ней отношение... Самым чистым примером такого знания является Платон у древних, — наша целостная универсальность всех наук, согласованная в единую систему» (там же).

В трактовке Вико риторика — это прежде всего поэтика мысли, искусство сотворения формы и только затем — искусство речи, техника использования готовых форм. С одной стороны, она помогает разглядеть за каждой метафорой и метонимией «маленький миф»²⁹, и для Вико оказывается самоочевидной истиной, «что все тропы... считавшиеся до сих пор хитроумными изобретениями писателей, были необходимым способом выражения всех первых поэтических наций и что при своем возникновении они обладали всем подлинным значением. Но так как вместе с развитием человеческого ума были найдены слова, обозначающие абстрактные формы, или родовые понятия, обнимающие свои виды или соединяющие части с их целым, то такие способы выражения первых народов стали переносами» (149).

С другой стороны, «глубинная» риторика, обеспечивающая силу внутреннего сцепления мыслей Вико, ослабляет внешние логические связи высказывания. Автор как будто опасается, что логика рассуждения убьет поэтику его мысли, и использует форму изложения, резко контрастирующую с общепринятым в XVIII в. понятием легкого и приятного вкуса.

²⁹ Ср. с концепцией слова-мифа у Потебни.